

RUSSISCHE

10
Mark

RUL, russische demokratische Tageszeitung

Gegründet von f. Hassen, Prof. A. Kaminka, W. Nabokoff †

Подписка. Во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Германии 300 мар. въ Берлинѣ и пригородахъ, съ доставкой собственными разсыльными ежедневно на домъ — 300 мар. при ежедневной посредственной высылкѣ бандерою — 350 мар. въ мѣсяцъ. Въ Германіи: Въ нѣмецкой Австрію, Мемельской обл., Данцигъ — 350 герм. мар. въ мѣсяцъ. Англію — 4 шилл., Латвію, Литву, Польшу, В. Аргію, Эстонию, Югославію, Россію — 420 герм. мар., Болгарію, Финляндію, Грецію, Румынію, Чехо-Словакію, Турцію 500 герм. мар. Во всѣхъ остальныхъ странахъ — 550 герм. мар. въ мѣсяцъ. Къ заказу, просить прилагать деньги, во избѣжаніе замедленія высылки.

Объявленія. основная плата 20 м. за строку нонпареля (ширина строки — одна дѣвятая часть страницы), для врачей, присяжныхъ повѣренныхъ, ищущихъ мѣстъ 12 мар. за строку нонпареля, для розысковъ 15 мар. за строку нонпареля. Строка объявленій въ текстъ газеты 100 герм. мар. При крупныхъ заказахъ указанныя цѣны не обязательны. Заграничныя объявленія по особому тарифу. Приемъ объявленій и подписки въ „Ullsteinhause“, Berlin SW 68, Kochstrasse 22-26, и во всѣхъ городскихъ отдѣленіяхъ Ullsteina's. Редакція (Markgrafenstr. 73) открыта ежедневно отъ 11 часовъ дня до 2 час. дня. Редакторы принимаютъ ежедневно отъ 12 до 13 час. дня. Телефонъ редакціи: Dönhoff 47-61.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО ВЪ БЕРЛИНѢ

Основанъ f. В. Гессеномъ, проф. А. И. Каминна и В. Д. Набоковымъ †

№ 566-й

Воскресенье, 1 октября (18 сентября) 1922 г.

2-й г. изд.

Московский художественный театр.

(«Вишневый садъ», — «На днѣ»).

... На чужихъ улицахъ, сквозныхъ, какъ вырубленные просѣки, цѣлый день немолчно грохочутъ трамваи и поезда, сшибая люди съ озабоченными, хмурыми лицами...

А на сценѣ театра съ мягкимъ въ полосу занавѣсомъ все по прежнему: расцвѣтаетъ вишневый садъ; за окнами свѣтлой угловой комнаты распукаются въ первомъ весеннемъ цвѣту тонкія разбросанныя вѣтви и играютъ пятна утренняя солнца на пожелтѣвшихъ старыхъ обояхъ.

Не вжигается какъ то съ самымъ духомъ спектакля писать обычные рецензии. Тема о возникшемъ наемъ расхождении съ художественнымъ театромъ слишкомъ широка и интересна, чтобы ее коснуться вскользь, это матеріалъ изъ рамокъ отчета ностіи спектакля, а что новаго скажешь о Чеховѣ, объ его лебединой пѣснѣ — «Вишневый садъ»? Или развѣ поставить легкомысліе Гаевыхъ и Раневскихъ въ прямой первоисточникъ болезненна, или упомянуть о томъ, что Лопухинъ оказался бы слишкомъ деликатнымъ среди дѣльцовъ новѣйшей формаци и остался бы за бортомъ, «бѣлой вороной» въ пылѣйшей знати? Въ самомъ дѣлѣ, кто выжить изъ всѣхъ этихъ чеховскихъ героев; нашли ли себѣ мѣсто, приспособившись, путемъ всевозможныхъ эволюцій, хоть Аня и студентъ Трофимовъ, такъ упорно мечтавшіе о «новой жизни», единственные изъ всѣхъ персонажей «Вишневого сада» уготовленные Чеховымъ къ пріятно восходящимъ зорь надъ полями, зацвѣтающими красными маками?

О, нивные, милые призраки — въ тѣдрахъ какихъ захолустей скрываются они теперь и изъ какихъ новыхъ презрительныхъ усть срывается при встрѣчѣ съ ними жалостная кучка: «эхъ, недотѣпы»...

Въ этотъ вечеръ на подмосткахъ, вмѣстѣ съ вишневымъ садомъ, расцвѣтала ароматнымъ цвѣтеньемъ русская душа; своимъ, настоящимъ была насыщена каждая сцена, каждая молчаливая игра, порою казалось «вотъ некогда и не убавалъ, не разставался со своимъ» — и это хотѣлось прежде всего унести со спектакля.

«... Тамъ, по прямой дорожкѣ между бѣлыхъ цвѣтущихъ деревьевъ, мнѣ кажется, идетъ моя мама» — сказала, усталая женщина, прислонившись къ косяку окна. И если кого нибудь изъ насъ, уставшихъ, въ этотъ вечеръ актеры смогли заставить оторваться отъ бурной жизни, текущей за стѣнами зрительнаго зала, бродящей въ насъ самихъ — то чего же они ждали отъ спектакля художниковъ-реалистовъ? А если спектакль не былъ тѣлѣрствомъ, прошель мимо души — то чья вина? Вѣдь кромѣ того, что изъ открытаго окна несся живой воздухъ и въ саду переливались — целками настоящія птицы — исполненіе было на обычномъ уровнѣ Московскаго художественнаго театра. Годъ тому назадъ спектакль этотъ воспринимался, какъ первый отзвукъ нашей родины, картиной привычнаго быта, потерю котораго мы такъ остро чувствовали... Прошло время. И для насъ осталась только манера исполненія, которая возмущаетъ или не возмущаетъ въ зависимости отъ индивидуальности воспріятія.

Сыгранность и ансамбль, котораго за границей, конечно, не встрѣтили, Книпперъ-Чехова — Раневская. Въ одномъ виднѣмъ обликъ вся исторія создаваемого ею образа. Необычайная мягкость,

жесткость и поставленная печаль; скорбныя линии у губъ и глаза, молчаливые даже въ моменты самаго яркаго смѣха. Жизненная правда, возведенная до предѣловъ.

А Москвитинъ-Винхадовъ? То, что у другого артиста получалось бы съ шаржемъ, съ неумѣстными нажимомъ — у этого артиста дышитъ подлиннымъ и востоящимъ. Гаевъ-Станиславскаго удивительно подлинная жизненная фигура, хотя и лишешая типично-качаловской мягкости.

Лопухинъ Леопольдовъ точно отмѣченный «со свиннымъ пыломъ», правда, безъ крѣпкой сочности Мещанинкова. Очень яркая, по прежнему, Варя Кривяковская, проникнутая большимъ теневымъ и любовью, сквозящей во всемъ образѣ этой милой «мопалки». Изъ резонерской фигуры Трофимова сдѣлалъ настоящимъ типъ Подгорный. Олицетворенная пагость зазнававшегося лакея у Яни-Александрова, очень хороши Аня Тарасовой, Фире Лужскаго и Пинчикъ Трибунина. Шарлотта Успенской лучше показывать вполусы, чѣмъ г-жа Греть, по въ исполненіи ей уступать.

Несокращеніе — на обычномъ уровнѣ художественнаго театра; а о самой манерѣ его, о Чеховѣ и объ насъ — въ слѣдующій разъ.

Въ «На днѣ», какъ и въ предыдущемъ спектаклѣ, художникамъ удалось показать всю цѣльность, слитность своего ансамбля. Каждый изъ участвующихъ сумѣлъ вложить въ различнѣйшіе образы и подобіе, характерныя черты, внести свою душу человѣческую.

Смрадный, съ навѣшными свѣдами, подвалъ — предѣлъ челоѣческой жизни. Даже солнце съ трудомъ пробивается въ узкое, скопшисея око. Копшисея, ворочается куча рвани... И вдругъ — разошлись, раздвинутые давящія стѣны подвала и предстала одна чаша пенетрисаго горя людскаго и страданія, общаго всѣмъ. Нужды нѣтъ, что здѣсь все «слиняли и ходятъ голыми» — не парадоксомъ прозвучало это сатирическое утвержденіе — челоѣкъ звучитъ гордо...

Каждое лицо «дна» выступило необычайно выпукло и ярко. Постановка же горьковскаго пьесы — торжество театра натуралистическаго. Заполнена каждая пауза, оправдано всякое слово, а большіе жизненной правды, чѣмъ финалъ третьяго дѣйствія — скандалъ на дворѣ ночлежки — трудно себѣ вообразить на сценѣ. Даже мимолетные персонажи этого «скандала» порождали ярко схваченными характернѣйшими чертами.

Великолѣпнень Москвитинъ — Лука. Отпеченную фигуру воплощенной морали, оны художественно слить съ превосходнымъ жанромъ и освѣтить созданный образъ присущимъ артисту обаяніемъ и свѣтомъ.

Живая душа въ Сатинѣ — Станиславскомъ; по силѣ и убѣдительности Сатинъ одно изъ лучшихъ достижений артиста. По прежнему поразителенъ гений Качалова въ баронѣ. Настоящей трагедіей вѣсть отъ Илести — Книпперъ-Чеховой. Очень типично и сочно схвачена Василіса — Шевченко. Предѣлъ челоѣческой низости хозяйки «дна» — Бурдиаловъ, трогательна Паташа Бумаковой, очень хороши Вульфовъ Лужскаго...

Впрочемъ, для того, чтобы перечислить всѣхъ удачныхъ исполнителей этого вечера, пришлось бы переписывать едва ли не всю программку.

Какъ и прежде, «На днѣ» одинъ изъ спектаклей художниковъ, остающійся сильнѣйшее впечатлѣніе.

Ю. Офросимовъ.